

# НАША СТРАНА

Год издания 64-й. Буэнос Айрес, 19 ноября 2011

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 19 noviembre de 2011 No. 2928

## Монархия и Белое Движение

Можно было предвидеть, что наша статья «О горе монархистах ... и о горе историках» будет болезненно воспринята кандидатом исторических наук В. Г. Хандориным, привыкшим общаться в маленьком кружке поклонников, в котором, как говорится, «кукушка хвалит петуха за то, что петух хвалит кукушку» и где его слово считается истиной в самой последней инстанции.

Скажем прямо, – просмотрев блог Хандорина, мы нашли немало интересного материала относительно незабвенного и глубоко чтимого адмирала Александра Васильевича Колчака, зато нередко «плавает» он, когда затрагивает более общие вопросы, связанные с эпохой революции и её истоками. Но это общий недостаток всех тех, кто самонадеянно трактует архивный материал вне положенного духа. И это незнание легко можно было бы ему простить – ведь откуда ему знать что такое Белый Дух? – не будь его надменных замашек и выказываний относительно некоторых усопших героев этого времени, ибо все участники этих сражений с красным Зверем, независимо от их ранга – истинные герои. Что генерал генералу, офицер офицеру могли говорить или писать, далеко не значит, что каждый из нас может это вслед за ними повторять. Никогда нельзя забывать своего места.



Санпаульский журнал "Владимирский Вестник", вызывающий истерику горе-историков

Недовольство Хандорина можно понять, но труднее согласиться с его совершенно необоснованными утверждениями, которые не могут быть оставлены без ответа. Конечно нет ничего обидного в том, что он надо мною подтрунивает, называя меня «святым отцом», или когда пишет «некий протодьякон выдал забавную статейку» – это как бы «удары ослиных копыт» обиженного человека.

Куда хуже, когда он пишет, что «Иванов-13-й лжёт и передёргивает как сивый мерин, не стыдясь своего духовного сана». Хотелось бы знать – в чём Хандорин усмотрел мою ложь?

Если кто задаст такой вопрос, то ответа не получит. А, кто знает, – моя ложь может быть просто в том и

состоит, что я не признал его учёности и авторитета как историка, но это вряд ли достаточно, чтобы обвинять меня во лжи.

Однако оставим в стороне глупости и шуточки и рассмотрим единственный «веский упрёк», выдвигаемый в мой адрес раздражённым Хандориным: я, мол, не читал или не знаком с «известнейшей в эмиграции» книгой «Ответ на книгу Кириенко», которая кстати находится в «ленинке» (!). Это вызывает у нашего пост-советского историка «удивление» – которое он пишет прописными буквами – ибо в этой книге, «уважающий себя протодьякон-зарубежник» нашёл бы все ответы на свои недоумения.

Охотно признаюсь в своём невежестве: эта «известнейшая» книга нам была совершенно незнакома. Но тут же скажем – мы никогда на претендовали на звание профессионального историка, что обязывало бы нас быть знакомым с абсолютно всей библиографией рассматриваемого вопроса, что позволило бы упрекать нас в этом недостатке.

Поскольку в комментариях давалась ссылка на электронную версию книги, мы её нашли, распечатали и прочли, что называется «от корки до корки».

Что собою представляет эта книга, вышедшая в 1965 году, и которую правильнее назвать брошюрой на ротаторе, объёмом в 61 страницу?

Это сборник из четырёх статей, открывающийся на знаменитом портрете генерала от инфантерии Лавра Георгиевича Корнилова. Само собою разумеется, статьи написаны офицерами Корниловского Ударного полка и, как следует ожидать, с последней энергией защищающими память и честь любимого вождя.

Известно, что беззаветно любили его боевые товарищи и в этом ничего удивительного нет, наоборот, весьма похвально и утешительно видеть, как почти полвека после событий эти высокого ранга бывшие военные остаются верными своему герою-начальнику. Печально однако читать оскорбительные суждения, в основном по отношению к генералу И. К. Кириенко и другим не менее уважаемым личностям. Надо сказать, что в этом всех превзошёл полковник Е. Э. Месснер, но нам на это скажут, что это были ответы на такие же оскорбительные выражения противной стороны, которые мы одинаково не приветствуем.

Итак, глубоко огорчены, но должны разочаровать В. Хандорина – его хоть и «известнейшая» книга нас не убедила. Надо ли нам ещё раз повторять, что мы преклоняемся перед генералом Корниловым, что был он настоящим рыцарем без страха и упрёка? Таким рыцарем он и умер во главе Армии от разрыва снаряда на самом кануне решительного сражения с большевиками. Перед таким солдатом можно только с непокрытой головой говорить. Ни одного малейшего упрёка нельзя высказать против него, как военного.

Но он также был и политиком и тут никому нельзя запретить

выдвигать обоснованные критики. Его тесная связь с Керенским до полного разрыва их отношений – не-оспоримый факт. Однако даже после разрыва с Керенским, будучи во главе Добровольческой Армии он, с политической точки зрения, с иными «завоеваниями» революции ничуть не порывал, в чём, повторяем, никому не запрещено быть с ним несогласным. Как и факт ареста Государыни Императрицы, какими бы объяснениями не окутывать, остаётся несомненным пятном в его жизни.

Чтобы разбираться в этих вопросах забудем «партизанские» труды и отошлём Хандорина к настоящим научным работам, которые кстати на самом деле были «известнейшими» в Белой Эмиграции, – это труды генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина, бывшего профессора Военной Академии, автора множества военно-теоретических



Генерал Н. Н. Головин

книг, возглавителя Высших Военно-Научных Курсов РОВС в Париже, автора нескольких томов по истории I-й Мировой войны, и чьи труды переводились на все европейские языки. Не было ни одной библиотеки Белого Офицера, в которой не было хоть одной книги генерала Головина.

И что мы найдём в его трудах? Во-первых, не найдём ни одного оскорбительного слова по отношению к кому-либо, а во-вторых найдём объективное изложение фактов и беспристрастное и вполне правдоподобное их осмысление.

Отдавая всё должное генералу Корнилову как военной личности, он также пишет: «Характерной чертой являлось отсутствие прямых политических или социальных лозунгов, которые разъединяли бы Корнилова и Керенского. Так же как Керенский, Корнилов всей душой признавал политические завоевания революции ... признавал суверенную власть народа ... искренне хотел довести страну до созыва Учредительного собрания». Об этом открыто говорится в так называемой «Корниловской программе» из 14 пунктов. Генерал Головин ещё пишет: «Требуемый Корниловской программой строй столь же демократичен, как тот, который думало осуществить Временное Правительство». Полное родство с февральской идеологией тут налицо.

И эту свою политику военный вождь упорно хотел провести в жизнь и, как

пишет генерал Головин, провести её путём диктатуры, «при этом диктатуры персонифицированной в Корнилове».

Иными словами, немного упрощённо и грубо можно это понять так: «Долой Царя – да здравствует Я - Корнилов»... Надо ли после этого удивляться, что истинные монархисты, собранные вокруг журнала «Владимирский Вестник», могли выступить против понятий о «вожде» и о «вождизме», которых, к слову сказать, никогда не существовало в Русской Армии? Был Верховный Правитель и были главнокомандующие, но не вожди, а если должен быть Вождь, то, как и есть Бог и есть «боги», может быть Вождь-Царь, а рядом «вожди». А тут, Царь, хоть и отрекшийся от престола, ещё жив, а «вождь-царёк», в подчинении которого масса офицеров-монархистов, проводит свою линию, в которой ни слова о монархии, будто России она вообще неведома.

Как же удавалось генералу Корнилову придерживаться такой политической линии, когда по свидетельству П. Н. Милюкова, которого трудно было бы записать в монархисты, в составе Белого Офицерства «было не менее 80% монархистов – и среди них не мало сторонников Самодержавия»?

На это генерал Головин, не затрудняясь отвечает: «Рядовой Доброволец искал военного вождя и, найдя его, готов был пожертвовать не только своею жизнью, но и своими политическими идеалами. Несмотря на возрастающие в его среде монархические симпатии, его тянуло к генералу Корнилову».

И дальше добавляет: «Мало сказать, что это была Армия героев; не будет преувеличением утверждать, что в военной истории всех времён и народов редко встречается такой подбор героев». Да, есть нам, чем гордиться нашими Отцами.

После преждевременной смерти генерала Корнилова ставший во главе Добровольческой Армии генерал-лейтенант Антон Иванович Деникин выпускает три недели спустя своё первое политическое Обращение к Русскому Народу, которое в смысле будущего государственного строя оставалось весьма туманным. Было лишь упомянуто об идее генералов Корнилова и Алексеева о созыве Учредительного Собрания.

Генерал Головин упоминает тут интересное ходатайство «белого витезя», генерал-лейтенанта Сергея Леонидовича Маркова, который два дня после сего Обращения смущённо докладывает: «Среди офицерства вызывает толки упоминание о народопрямстве и об Учредительном Собрании... С подобного же рода заявлениями пришли к Деникину «начальники бригад», то-есть командиры высших боевых единиц тогдашней Добровольческой Армии».

С большим жаром новый глава Армии отстаивает идею «непредрешенчества», с которой он не намерен расставаться, несмотря на не двусмысленные пожелания своего офицерства. Генерал Марков снял напряжение, заявив, что «все верят в своих вождей и пойдут за ними... и что теперь пуб-

лика поуспокоилась». И генерал Головин лишней раз подчёркивает послушность и дисциплинированность Армии: «Офицеры-Добровольцы представляли собою весьма политически послушную воле признанного ими военного вождя среду».

Это похвальное и обязательное послушание не может тем не менее скрыть факта, что им подавлялись глубинные чувства огромной массы офицерства. Сама идея «непредрешенчества» в принципе вполне понятна и приемлема: сейчас не время думать, что будет потом – нужно действовать. Против чего боремся – известно, а за что – пока нет, - увидим позже.

С одной стороны, не вникая в спорные вопросы это предохраняет единство Армии, а с другой - возникает вопрос: как привлечь в сторону Белых народные массы, указывая на одну эту негативную сторону, тогда как красные никакого непредрешенчества не придерживаются, наоборот отлично предрешают, какой новый порядок готовят России.

А для убеждённых и боевых монархистов оно совсем неприемлемо, ибо в себе носит зачаток революции, признавая за факт, достигнутое обманом свержение Самодержавия в



**В. В. Гольцгоф, издатель  
«Владимирского Вестника»**

позорные дни февраля 1917 года.

Уже десятилетиями революционеры всех толков прочно объединены одним лозунгом: «Долой Самодержавие» и добились своего. А монархисты должны держаться идеи непредрешенчества? Неубедительно.

Запутанность и сложность таких вопросов видно не может быть понятной «горе историками», открывшими для себя тему Белого Движения на горбачёвской волне «гласности-перестройки», когда она стала особо популярной в разваливавшемся Советском Союзе. Чтобы понимать эти вопросы естественно надо изучать архивы того времени, но чтобы их

правильно познавать надо ещё понимать дух эпохи и дух этих людей, истинных героев, каковых сегодня не встретить. Ни одного из них в живых не осталось, но есть ещё те, кто родился и воспитывался в их окружении и в их духе.

Хандорин, не то что в глаза, но на расстоянии 100 вёрст никогда не видел Белого Офицера, - так пусть спорит с подобными себе, но не с нами.

Монархия для Хандорина не более, чем «добрая традиция», а Государя он запросто может назвать «Николай», писать о его мнимом «самолюбии» и с апломбом утверждать: «Сегодня только больной может отрицать огромную долю ответственности Николая Второго за происшедшую катастрофу (при всей симпатии к нему как к человеку)». Видно, только и остаётся Хандорину похлопать этого неудачника по плечу... Настоящий кошмар.

Подумать только, в каком жутком духовном состоянии очутился наш Государь, когда понял, что не только Его же Правительство, Дума с её председателем, но и горячо Им любимая Армия, которой Он верил, как Самому Себе, в лице высших лиц предала Его, оставила Его. Вот, как родилось знаменитое и величавое «Кругом измена, трусость и обман». Но Он-то не оставил Россию, переборол Свои чувства и приказал Своему офицерству, которое осталось Ему верным, присягнуть Временному Правительству для продолжения войны до победного конца, для спасения чести России. Только это было для Него важным. Как некоторые могли тогда этого не понять!... А о сегодняшних «недоразумевающих» и говорить не стоит.

Да, все, за очень редкими исключениями принесли присягу Временному Правительству, но сделали это, следуя прямому указанию Государя Императора, а не из любви или сочувствия к февральщине, ибо без власти жить нельзя и надо было продолжать войну с Германией до победного конца. Белые воины сражались не за Керенского и не за бредни Учредительного Собрания, но только за Россию, нося в подавляющем большинстве своем на душе и в сердце священный девиз «За Веру, Царя и Отечество», с каковым и дожили свой век на чужбине. А те, кто этот девиз не сохранил, или хуже – предал, несмотря на все последующие заслуги не может именоваться иначе, чем *цареступник*.

**Протоиерей Герман  
Иванов-Тринадцатый**

## БЕЛО-СОВКИ

Когда-то подававшие надежды, такие поклонники Белого Движения в РФ как интернетные публицисты А. Гаспарян и В. Хандорин, уввы, в последнее время преобразились в нетерпимую секту, в клуб взаимного обожания, в злобное сообщество поносителей всякого, кто с ними в чём-то не согласен.

Коли они не в состоянии доказать свою правоту по какому-то вопросу, или им не по душе точка зрения оппонента, то они мгновенно опускаются до уровня советских газетчиков. Вместо того, чтобы выдвинуть аргументацию по существу, они затевают базарную перепалку и переходят на оскорбления личностей; причём делают это со смехотворной самоуверенностью эдаких непогрешимых римских пап.

Зазнавшиеся образованцы теперь излили свою желчь на протоиерея Германа Иванова-Тринадцатого. Не говоря уж о том, что по степени учёности они и в подмётки ему не годятся - он доктор наук, профессор Лионского университета, автор ценнейших трудов по истории, - этим совкам видать невдомёк, что они замахнулись на человека являющегося живым символом и знаменем Русского Белого Зарубежья, его олицетворением. Оскорбляя его, они оскорбили всех нас.

Хамство, самовлюбленность, презрительное отношение к мыслящим по иному, мелочность и склочность характеризующие сих апологетов Белого Движения, делают их глубоко недостойными изучаемого ими предмета. Встань сегодня из гроба любой из белых воинов, он таким своим поклонникам руку не подал бы.

**Николай Казанцев**

## ОТ ПЕСТЕЛЯ ДО БЕРИИ

Наступающий декабрь наводит на воспоминание о давнем событии – «восстании декабристов». Приятель многих заговорщиков – Пушкин незадолго до смерти изрек великую фразу: «Не приведи Бог видеть русский бунт – бессмысленный и беспощадный». Бунт 1825 года был одним из самых бессмысленных за всю историю России. Он не мог быть успешным, поскольку среди главарей не было единства, не существовало ни четкого плана, ни ясной цели... Как помним, объявленный «диктатором» князь Трубецкой на Сенатской площади вообще не появился.

Но – уввы! – при «бессмысленности» того «бунта» была проявлена и «беспощадность». Я имею в виду судьбу несчастных солдат, которых преступники-командиры вывели на площадь, скрыв от них тот факт, что Великий Князь Константин, которому они присягнули, как Императору, отказался от Престола в пользу брата Николая Павловича. Те из нижних чинов, что не были убиты и не скончались от ран, были арестованы и строжайше наказаны.

В определенном смысле беспощадность к этим людям проявили не только заговорщики, но и многие поколения российских либералов. Они всегда сочувствовали повешенным и сосланным в Сибирь бунтовщикам, но у них не было и нет никакого сострадания к обманутым солдатам.

Тех, кто учился в советской школе, заставляли запоминать известную фразу Ленина: «Декабристы разбудили Герцена.»

Будучи старшеклассниками, мы эту нехитрую мысль продолжили и составили кратчайшую историю «русского революционного движения»:

Декабристы разбудили Герцена. Герцен разбудил народолюбцев. Народолюбцы разбудили Плеханова. Плеханов разбудил Ленина. Ленин разбудил Сталина. А Сталин разбудил Ежова и Берия.

**Протоиерей Михаил Ардов**

## Красные кадеты

13-го сентября в Москве состоялась встреча советских «суворовцев» и «нахимовцев» с группой покрасневших бывших кадет-зарубежников. На ней имела место презентация изданной «суворовцами» книги бывшего кадета И. Андрушкевича «Русская правда». Как сообщает официальная интернет-страница «Московское Суворовское Военное Училище» [http://msvu.edumil.ru/index.php?option=com\\_content&view=article&id=359:2011-09-15-12-20-10&catid=17:news\\_в\\_представленном\\_сборнике\\_статей\\_Андрушкевича\\_«красной\\_нитью\\_проходит\\_мысль\\_о\\_преемственности\\_старой\\_царской\\_России,\\_Советского\\_Союза\\_и\\_Российской\\_Федерации,\\_причём\\_основной,\\_по\\_его\\_мнению,\\_государствообразующей\\_силой\\_названы\\_суворовцы\\_и\\_нахимовцы\\_СССР.»](http://msvu.edumil.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=359:2011-09-15-12-20-10&catid=17:news_в_представленном_сборнике_статей_Андрушкевича_«красной_нитью_проходит_мысль_о_преемственности_старой_царской_России,_Советского_Союза_и_Российской_Федерации,_причём_основной,_по_его_мнению,_государствообразующей_силой_названы_суворовцы_и_нахимовцы_СССР.»)

Всё это не удивительно и вполне ожидаемо от товарища (как его несколько раз называют в сообщении «суворовцев») Андрушкевича.

Гораздо больше удивил и возмутил своим заявлением бывший кадет Виктор Бандурка. Согласно тому же источнику, Бандурка поведал собравшимся о том, как в 1943-1944 гг. он с группой однокашников, участь в оккупированной немцами Югославии в «царском» корпусе, радовался победам Красной Армии и якобы даже создал «большевицкую ячейку», что явилось причиной конфликта с отцом – офицером Российской Императорской и Белой армий.

Следует добавить, что Федор Иванович Бандурка был еще и корпусник (с 1944 года полковым врачом 5-го Железного полка), возглавлявший в США Нью-Йоркский отдел Союза Чинов Русского Корпуса. Комментарии излишни.

**А. С. Терзов**

## МЕЧТА И ПРОЗРЕНИЕ

В этом году в Москве вышла книга В. Кондырева «Воспоминания о В. П. Некрасове» - знаменитом писателе-диссиденте, высланном в 1974 году из СССР во Францию и умершем там в 1987 году. Высылка произошла после обыска, который продолжался 42 часа (!), протокол составил 60 страниц. После этого Некрасов передал на западные радиостанции статью «Кому это нужно?» со ставшей знаменитой фразой: «С кем же мы останемся? Ведь следователи КГБ не напишут нам ни книг, ни картин, ни симфоний».

Кондырев цитирует полушутливую «мечту» Некрасова, опубликованную в 1978 году: «Информационное сообщение. Пленум Центрального Комитета КПСС заслушав доклад генерального секретаря ЦК о выполнении и перевыполнении всех планов, постановил признать линию партии правильной. Учитывая сложившуюся ситуацию - выполнять больше нечего, всё выполнено - считать существование коммунистической партии нецелесообразным и нерентабельным, а потому распустить её».

Эта мечта, как ни странно, сбылась, но Некрасова уже не было.

«Вот бы радовался Некрасов, но я уверен, - пишет автор книги, пасынок писателя – он страшно ужаснулся бы при виде того, как страна столь мгновенно скатится в столь унижительную нищету. Согласился бы Некрасов с той ценой, которую заплатила Россия за избавление от коммунистической трясины? За воцарение так называемой «свободы»? Я даю голову на отсечение, - пишет автор книги, - что доживи Некрасов до развала страны, он не позволил бы себе радостно кричать». Незадолго до смерти Некрасов говорил, что людям, живущим в СССР, ни под каким видом нельзя прислушиваться к советам «западных друзей». Ведь мы здесь уже ничего не понимаем, что творится в России при перестройке! Пусть они сами там решают, не слушаются всякой бредятины.

Разве мог Некрасов представить, до чего они там «сами» додумаются, заключает автор книги. И в самом деле, катастрофа: дерьмократия, приватизация, разрушение государства, развал промышленности и сельского хозяйства, вымирание народа – разве всё это было в интересах России?

**Е. Кармазин**

К ИСТОРИИ БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИИ

## РЕДАКТОР ГАЗЕТЫ "ЗА РОДИНУ" О РЕДАКТОРЕ "НОВОГО СЛОВА"

Анатолий Григорьевич Макриди-Стенрос о судьбе Владимира Михайловича Деспотули – из писем Н. Л. Казанцеву

**3 мая 1981.** Владимир Михайлович Деспотули относился к солидаристам очень хорошо и предоставил их возглавлению «политическое убежище» в редакции «Нового Слова», где они числились постоянными штатными сотрудниками и получали хорошее жалование, а кроме того, и гонорар. Я запомнил: Одинец, Романов, Рождественский, кажется Поремский тоже, и другие. Все они работали при главном, поставленном Владимиром Михайловичем, условии: никакой партийности в работе, сверх общепринятого антикоммунизма. Это условие они выполняли вполне добросовестно.

**11 июня 1981.** В. М. Деспотули во многом помог солидаристам и после войны, когда он уже вернулся из советского концлагеря; они за ним очень ухаживали.

К власовцам Деспотули относился отрицательно, считая их последователями Махно и поборниками советской власти без коммунистов, чего и кронштадтцам хотелось. Но вредить власовцам не хотел, да и не мог, так как у него, как ни странно, значительных связей не было, а те, что были в Остминистерии, так же мало стоили, как и сам возглавитель его Розенберг, которого совершенно незаслуженно считают виновником русских бедствий. Эта слава родилась из полного невежества. Не верьте никому кто говорит и пишет, что Остминистерия и в частности, Розенберг сколько-нибудь влияли на русские дела. Розенберг, действительно, ненавидел русских, может быть, он причинил бы нам больше зла, чем было, однако, он был «зол, да не силен». Вся его ненависть к русским осталась нереализованной, только на бумаге, в кабинетных трудах.

Писал он убедительно, но глупости по отношению к России творились на деле, и совсем независимо от Розенберга, другими нацистами. Ни Розенберг, ни его Остминистерия не пользовались у нацистов никаким авторитетом потому, что Гитлер относился к Розенбергу с нескрываемым презрением за его «теоретичность» и совершенную беспомощность и бездарность, как администратора. Все нацисты знали, что при Гитлере Розенберг не смел даже рта раскрыть, и никогда не раскрывал. С постановлениями и распоряжениями Остминистерства, решительно никто не считался, а Розенберг даже жаловаться на это никому не смел.

**В. М. Деспотули** (1895, Керчь - 20 августа 1977, Шварцвальд, Западная Германия). Поручик, участник Первой Мировой и Белого Движения. В 1934-1943 редактор берлинской антикоммунистической газеты «Новое Слово». В 1945 арестован чекистами. После 11 лет в советских лагерях, вернулся в Берлин.

**А. Г. Макриди-Стенрос** (1902, Россия - 4 февраля 1982, Канберра, Австралия). Кадет 1-го Московского Императрицы Екатерины Второй кадетского корпуса. Первопоходник в 16-летнем возрасте. В Ригу прибыл с семьей, как беженец, в начале 1942-го, редактировал антикоммунистическую газету «За родину». Бежал в Германию в октябре 1944-го. Сотрудник «Нашей Страны».

Повторяю, других связей у Деспотули почти никаких не было, у власовцев было больше. Деспотули они досаждали всячески за то, что он их в свою газету не пускал. Наконец, произошел скандал, последствия которого обрушились целиком на самого Деспотули. Уступая всяческим доводам он решил, наконец, посвятить страницу власовскому движению. Полоса была уже сверстана, но цензор оттиск не подписал и весь материал пошел в разбор. У нацистов не было такой централизации, как у большевиков и каждое ведомство хозяйничало по своему. Власовская страница была составлена по настоянию военного ведомства, через которое действовали власовцы, а запретило печатать геббельсовское ведомство, под которым находились все газеты, в том числе и «Новое Слово».

Однако, все шишки повалились на Деспотули и власовцы остервенились против него еще сильнее. Никто из солидаристов помочь Деспотули не мог, а вероятнее всего, и не хотел, чтобы не портить налаживающихся отношений с власовцами. Что же до Остминистерии, то и говорить не приходится!

Всё это я пишу, чтобы понятна была дальнейшая ситуация. А ситуация состояла в том, что Деспотули не арестовали, но запретили выезд из Берлина, конфисковали у него издательство с типографией, передав её власовцам и поставили редактором газеты с новым названием, Климова (солидариста – не того Климова, что «Крылья холопа» написал). А самого Деспотули обязали являться в Гестапо немедленно по вызову, и вызывали два раза в неделю. Его, по доносу, обвиняли в шпионаже для англичан, а на свободе оставили, повидимому, чтобы следить. Он умолял меня к нему не ходить, но я не слушался.

Начал Вам писать о солидаристах, а все время отвлекаюсь попутными с ними делами. Но тут уж ничего не поделаешь - старость и боязнь унести в могилу правду об изолганном вообще; правду, которую имеет смысл высказать, потому что Вы один из немногих, кто ею интересуется.

Итак, Деспотули был ограблен, опустошен, оклеветан и травмирован с обеих сторон усердием ненавидевших его власовцев и при предательском невмешательстве солидаристов, за которых, в трудную для них минуту, Деспотули, как мог, заступался.

После катастрофы Деспотули, я не реже двух вечеров в неделю мёрз в его нетопленной квартире не раздеваясь, и слушал его печальные повести.

Сопоставляя его рассказы с тем, что мне было известно со стороны и с тем, что я узнал позже, Деспотули редко что преувеличивал или преуменьшал, и ни в чем не солгал.

Он женился еще до войны на ординарной и не слишком умной немке моложе себя лет на 10, может даже и на все 15. Она прилежно училась в химическом институте и готовилась к хорошей научной карьере, немереваясь защитить докторскую диссертацию.

Сперва, из патриотических побуждений, а позже, и не желая портить карьеру жены, Деспотули энергично отказывался от немецкого подданства, которое ему, буквально, навязывали нацисты, как издателю и хозяину газеты, ибо по гитлеровским законам, иностранец таковым не имел права быть. Наконец, пошли на уступки и сделали исключение, Деспотули

остался бесподанным хозяином и редактором собственной газеты, не избегнувшей, впрочем, как и все другие, пропагандно-цензурной опеки властей.

Отправляясь в Гестапо, Деспотули никогда не знал, вернется ли домой.

Он попадал в специальный русский этаж, где с первых же шагов погружался в атмосферу густой матерщины, несшейся из комнат и по коридору; из уст мужчин и женщин; следователей и подследственных.

Его дело вёл киевский чекист, очень гордый оказанным ему нацистами доверием; попав в плен, он не только не был расстрелян, но получил столь ответственную и почетную должность в самом Гестапо. Этот же следователь вёл дело и арестованных солидаристов, свиданья с которыми, там же в Гестапо, он ему устроил незадолго до их освобождения.

Деспотули с благодарностью вспоминал о своих разговорах с чекистом, не только вежливым, но даже благожелательным. Чекист говорил: «Мне ясно, что всё в доносе сфабриковано, но надо придумать как доказать, что вы не верблюд».

Чекист напомнил Деспотули, как тот в нарушение законов помог одной оловке узаконить ее свободное проживание в Берлине. Эта молодая полунинтеллигентная советская девушка сбежала из оловского лагеря, прибежала в редакцию и в кабинете редактора, чуть не на коленях, со слезами, умоляла её спасти, что было очень трудно. Деспотули спрятал её у друзей и в течение недели добивался и добился «оформления», то есть отчисления от лагеря и выдачи документов и продовольственных карточек, а так же и службы.

Девушка оказалась предприимчивой и устроилась на видную должность в пропагандный отдел РОА.

Деспотули подвергли преследованию не за это, а потому, что девушка написала на него обстоятельный доклад с указанием на подозрительное его поведение в течении всего времени, что Деспотули её устраивал.

Догадалась ли сделать доклад сама девушка, или её кто-нибудь на это навёл, Деспотули так и не узнал. Его «дело» тянулось несколько месяцев и за недостатком улики было прекращено, но из отнятого, ничего не вернули.

Освободили только от подписки не выезжать из Берлина, чем он вскоре и воспользовался. Перед отъездом, он позвонил ко мне и попрощался. Я спрашиваю - куда перебираетесь? Он сказал на курорт, вблизи швейцарской границы «нужно подлечиться». Я желал полного выздоровления. «А как Эльфрида Эмильевна, с вами?» «Нет, она временно остается, у неё сейчас важные зачеты в институте. Но потом приедет ко мне, друзья из ОКВ (Главный Штаб) обещали мне помочь ей благополучно перебраться».

Вскоре, наступила развязка. Как и следовало ожидать, в наступившей сумятице, никто о жене не вспомнил и она застряла в Берлине, целиком захваченной большевиками. Обо всём дальнейшем я узнал от Николая Февра, который, как и писатель М. Бойков, был отравлен в Буэнос Айресе.

После размежевания Берлина на зоны, Февр побывал у Деспотули, но нашёл квартиру начисто разграбленной. В ней осталась только теща Деспотули. От неё Февр и узнал все подробности. Я тещи не знал, но по свидетельству Февра, это была немка,

начисто лишенная какого бы то ни было воображения, а поэтому, рассказ её заслуживал полного доверия.

Февр, конечно, был прав, говоря, что единственный человек, которого Деспотули по настоящему любил, это была его жена. Не дождавшись её приезда в Швейцарию и потеряв с ней связь, он опрометью бросился в Берлин, домой и нашёл жену на месте. Так как он не сомневался в том, что его будут разыскивать, в городе он не остался, а поселился один в своей летней резиденции под городом. Он очень гордился своей дачей и прислал мне в Ригу даже её фотографию: в лесу, на пятачке стоял маленький сарайчик с плоской крышей. Без печки, с барачной дверью и одним маленьким окошком. Весной там можно было существовать.

Тем временем, к дому, где жил Деспотули в Берлине, подкатил автомобиль, из которого вышли два вооруженных чекиста. В машине с шофером остался штатский в шляпе. Несмотря на то, что он тщательно прятал лицо в поднятый воротник пальто, его узнали: это был старый эмигрант Жермундский. Поднявшись на третий этаж к Деспотули, и не найдя его, стали выпытывать у жены. Она, конечно, «представления не имела» куда делся муж и чекисты, ничего не добившись, пообещали на первый раз отдать её роте солдат. После этого, они подробно узнали, как найти Деспотули, его забрали, и на самолете отправили в Москву, а жену передали немецким коммунистам, в тюрьму.

К счастью, всё это произошло сразу после окончания войны и при полном убеждении большевиков в немецком подданстве Деспотули; последнее помогло замене расстрела «высшей мерой наказания», а ранний приговор пришёлся еще на прежнюю статью, т.е. на 10 лет. Очень скоро, большевики спохватились и изменили срок «вышки» на 20 или 25 лет. Н. Н. Краснову («Незабываемое») не повезло, его следствие затянулось и окончилось уже после исправления срока.

В Германии я дружил после войны с мужем и женой Тисс. Он был в розенберговском министерстве на второстепенных ролях и его не трогали. Кроме того, он состоял представителем генерала Лампе по Красному Кресту. Жил недалеко от меня и однажды, в разговоре, так, между прочим, сказал, что в письме из американской зоны (а жили мы в английской) он узнал, что из советской зоны наведался в Мюнхен старый эмигрант Жермундский, даёт интервью и проводит какую то общественную акцию, собираясь переселиться в Мюнхен.

Я, как угорелый, ринулся в гамбургский комитет к солидаристам, всё рассказал и просил их через свой «закрытый сектор» задержать провокатора, что они и обещали сделать незамедлительно и клялись написать мне. Не получая ничего, писать стал я сам, и, не торопясь, В. Самарин мне ответил, что поздно, Жермундский уехал. А Тисс рассказал, что кто то из солидаристов, на официальном приеме Жермундскому при всех сказал: «А вас из английской зоны друзья Деспотули разыскивают». Это был последний раз когда Жермундского видели. У Тисса не было, и не могло быть никакого зуба на солидаристов, а я убежден в личной порядочности Самарина.

А. Г. Макриди-Стенрос

## ОБМЕН КАПРАЛА И СМЕРТЬ КАДДАФИ

Два недавних события – обмен израильского капрала, захваченного в плен палестинскими боевиками более пяти лет назад, на тысячу палестинских заключенных, и гибель Каддафи, подняли на поверхность весь набор благоглупостей, который могло породить изуродованное разного рода идейными заморочками сознание, когда «неправильная» жизнь заменяется «правильными» о ней представлениями.

Несмотря на нехватку времени, увлёкся и наслаждался.

Про обмен одни говорили – что глупость: стимулирует дальнейшие похищения (как будто таковые и так не имели бы место при всяком удобном случае), другие – что проявление нравственной силы: пусть арабы удавятся со стыда, что их так дешево ценят (как будто такие чувства им доступны), третьи – что образец «заботы о человеке», который

«превыше всего» (безотносительно к тому, сколько других человек в результате пострадает), кто-то объяснял дело внешнеполитическими затруднениями Нетаньяху, кто-то – настойчивым состраданием общества к несчастному (кого, этот капрал Шалит, к слову сказать, вовсе не заслуживал: вроде как заснул, мерзавец, на посту, подставив сослуживцев).

Между тем, будь этот обмен глупостью политически вынужденной, «гуманитарной» или эмоционально-психологической – в любом случае он никак не большая глупость, чем вообще держать террористов в тюрьме. Люди, приходящие убивать не будучи «мобилизованными и призванными», а по своей «опережающей инициативе» – вовсе не должны браться в плен, тем более судиться, а тем более – содержаться за счет тех, кого они собирались убивать. Но коль скоро это, вопреки

здравому смыслу, практикуется, то всё остальное (сколько их выпустить и за сколько) – не имеет большого значения: и эти не «исправятся», и тысячи новых готовы сменить их.

Что до Каддафи, то особенно понравилось трогательное негодование тем, что его убили, не доведя дело до суда (который разобрался бы «по всей правде») и требования «расследовать обстоятельства смерти» со стороны тех, кто «революционный народ» всецело поддерживал (да еще возмущение радостью этого самого народа от лицемерия трупа Каддафи). Какая жалость, в самом деле, что жизнь пошла так, как она и должна была по собственной логике идти, а не так, как ей полагалось по представлениям придурков!

Но тут как раз всё было очень правильно. Мне Каддафи и идейно, и политически был крайне антипатичен, и смерть его ни малейшего сожаления

не вызывает. Но он – сделал что мог, дрался до конца и заслужил свою вполне достойную смерть: был захвачен в бою и убит (а не извлечен из норы и повешен после комедии, как Саддам). Каддафи пытался пробиться из Сирты, а Саддам долго сидел в каком-то тайнике.

Участь Каддафи гораздо более завидная, чем того же Мубарака (человека несравненно более симпатичного), выданного собственной армией на прижизненное глумление уличной шпане. Но и шпане ливийской – неужели надо было, вопреки своей природе, склониться со скорбными рожками «над телом павшего врага», или, может, похоронить его «с воинскими почестями»? Нет, сколько бы ни возмущались замороченные, а жизнь – она свое возьмет, и плевать ей на их о ней представления.

С. В. Волков

## По следам белого атамана

В июне состоялась экспедиция карагандинских путешественников по маршруту отхода в Китай знаменитого белого атамана Гражданской войны Бориса Владимировича Анненкова.

Экспедицию возглавил Анатолий Лиман, мастер спорта по альпинизму, уже совершивший в прошлом 2010 году поход на труднодоступный перевал Кара-Сарык по следам другого известного атамана Гражданской – генерал-лейтенанта А. И. Дутова.

Немного предыстории...

В конце марта 1920 года остатки Отдельной Семиреченской армии атамана Анненкова под натиском большевицких войск со стороны Сибири и Туркестана начали свой беспримерный и трагический отход за кордон. Из Уч-Арала (ныне Ушарал) колонны войск под началом самого молодого командира армии двинулись на юго-восток, в сторону Джунгарских ворот. Не доходя 10-15 верст до китайской границы у самых ворот, колонна повернула вправо и углубилась в дикие горы хребта Джунгарского Алатау.

Здесь, у подножия перевала Сельке, в преддверии границы, в местности названной Анненковым Орлиным Гнездом, они разбили лагерь, нарыли землянок и простояли в суровых условиях высокогорья еще около двух месяцев. По всей видимости Анненков хотел отсидеться в горах, рассчитывая на перемену военной и политической обстановке в Семиречье и ведя параллельно переговоры с китайскими властями об условиях перехода границы и интернирования остатков своей армии в Синьцзяне.

Китайцы долго тянули время, ссылаясь на невозможность интернирования анненковцев, до тех пор, пока не будут размещены ранее перешедшие границу люди из отрядов генералов Бакича, Дутова и Щербаква. За это время численность анненковских солдат и казаков в Орлином Гнезде заметно уменьшилась – множество бойцов умерло от ран и болезней, часть людей ушла в Китай частным порядком, алаши (бойцы казахских частей) разошлись по домам.

Наконец в мае люди стали прощаться с родной землей и переходить через перевал Сельке на китайскую сторону. С собой они тащили пулеметы, артиллерийские орудия и даже автомобили.

Перешло границу около 4200 человек. Последним 27 мая 1920 года ушел сам атаман.

И вот, спустя 91 год после описываемых событий, по маршруту атамана Анненкова проследовала новая экспедиция карагандинцев. В Уч-Арале к ней присоединился местный житель и прекрасный знаток этих мест Юрий Чумаков, а также автор этих строк.

Сама экспедиция состоялась благодаря бескорыстной помощи алматинского исследователя, автора книги об атамане Анненкове, ветерана-пограничника В. А. Гольцева и полковника пограничных войск Казахстана Е. В. Шаповалова, приложивших немало усилий для успешной организации этого путешествия. Хочется выразить благодарность и простым казахстанским ребятам-пограничникам на далекой горной заставе, проявившим свое гостеприимство и давшим кров путешественникам.

160 километров от Уч-Арала до поворота в ущелье, ведущее далее к урочищу Сельты и к перевалу, экспедиция ехала целых шесть часов, по совершенно разбитой дороге.

Построенная вскоре после советско-китайского конфликта 1969 года и когда-то прекрасная автотрасса, идущая по открытой степи между отрогами хребта Джунгарский Ала-тау и берегами озер Астаколь и Жалана-шкуль, сейчас представляет собой печальное зрелище. Такое ощущение, что никаких ремонтов не производилось там с 70-х годов прошлого века...

Невольно подумалось – о каком развитии зон отдыха на берегу Алаколя можно говорить сейчас, если одна дорога туда занимает уйму времени, нервов и стоит не одной полочки автомобиля?

Когда-то Анненков шёл этим же самым маршрутом, только по полевым дорогам, путь по которым несравненно более мягкий и комфортный, чем езда по вдребезги разбитому асфальту. Наверняка у него были хорошие проводники, так как найти среди горных отрогов нужную щель, по которой можно уйти в Китай и сейчас достаточно сложно...

В составе экспедиции был оператор 5-го канала карагандинского телевидения Александр Кирьянов, который весь путь снимал сюжеты

для будущего фильма. Наверное, им впервые были сняты на камеру виды и доселе труднодоступной местности в районе Орлиного Гнезда Анненкова у высокогорного перевала Сельке высотой свыше 2300 метров над уровнем моря.

Местность эта и сейчас совершенно дикая и притягивающая несколько мрачноватой, суровой красотой и совершенно не изменилась за прошедшие почти сто лет. Сопки, поросшие тянь-шанской елью, заливные луга – джайляу, выходы скальных пород на гребнях гор. Звенящая тишина только подчеркивает величественность здешней природы и навеивает мысли о бывшем здесь в 1920 году огромном, по местным меркам, скоплении людей, вынужденных в силу неумолимых обстоятельств остановиться в этом ущелье перед окончательной эмиграцией в Китай.

На самой горе Сельке сейчас высятся недавно отстроенное здание пограничного китайского пикета под красной крышей, хорошо видное издали. В середине 90-х годов, в результате казахско-китайских переговоров, Китаю были переданы несколько участков приграничной территории, в том числе и район перевала Сельке с бассейном ручья Кулагансай и правым берегом реки Сарычильды.

В районе Орлиного Гнезда, где находились анненковские лагеря, до сих пор попадают остатки конской сбруи, стреляные гильзы, винтовочные обоймы и разные бытовые предметы стоявших здесь казаков и солдат Семиреченской армии.

На обратном пути экспедиция заехала в село Черкасское Саркандского района и побывала на местах боев знаменитой Черкасской обороны. Когда-то здесь крестьяне местных двенадцати сел более года противостояли белым войскам, а с января 1919 года и Партизанской дивизии атамана Анненкова. Атаман, в конце концов, сломил оборону черкасцев и взял последнее село в октябре 1919-го.

Линии окопов черкасских повстанцев и сейчас отлично просматриваются на местности. Земля буквально звенит от осколков снарядов и винтовочных гильз. Побывали и в знаменитом в советские времена, а ныне полузабытом, но еще

функционирующем благодаря усилиям директора музея Черкасской обороны и на одноименном мемориале, открытом в начале 70-х годов.

В Уч-Арале, если пообщаться со старожилами и знатоками местной старины, можно услышать массу легенд и слухов об атамане Анненкове. Это и невероятные слухи о спрятанном им при отходе за кордон золоте, и рассказы об его уч-аральских возлюбленных и бегущих до сих пор по улицам городка его незаконнорожденных правнуках, как две капли воды похожих на самого атамана. Пожалуй, одна из этих легенд заслуживает того, чтобы остановиться на ней подробнее...

Километрах в трех-четырех от Уч-Арала, если ехать в сторону Джунгарских ворот, направо на горе, обращенной к городку и реке Тентек, до сих пор можно различить гигантские буквы, выложенные из валунов на склоне. По рассказам местных жителей – это остатки бывшей некогда огромной надписи – «Анненков».

В 1919 году анненковские казаки вырыли на склоне траншеи и забили их валунами, собранными поблизости и образовавшими имя их любимого атамана.

В советское время такое «безобразие», ежедневно напоминавшее местным жителям о бывшем полномочном белом хозяине этих мест, конечно, не могло остаться без внимания властей. Райкомом партии было дано указание переделать эту надпись в имя вождя пролетарской революции – Ленина. Но видимо плохо постарались советские работники – имя белого атамана все равно продолжало дерзко выделяться из-под имени пролетарского вождя. Находчивые райкомовцы быстро нашли тогда другое решение – было дано указание ежегодно белить известью камни с именем Ленина. Что и исполнялось каждой весной.

И вот уже двадцать лет, как нет райкомов коммунистической партии, никто давно не белит надпись на горе, часть камней осыпалась вниз по склону, занесена землей и заросла травой. Но буквы еще вполне отчетливо различимы – их девять, учитывая, то, что надпись казаками была сделана по старой орфографии – «Анненков»...

Максим Ивлев